

особенно интересен тем, как в нем проявлена органическая связь личности и пространства, ее формирующего. Повествователь же весьма чутко улавливает эту связь, оставаясь открытым для новых впечатлений и неожиданных знакомств.

Литература

1. *Мамин-Сибиряк Д. Н.* Горное гнездо. Роман. Встречи. Очерки и рассказы. Свердловск, 1981.
2. *Мамин-Сибиряк Д. Н.* Полн. собр. соч. : в 12 т. Т. 6. Петроград, [1916].

Е. В. Харитонов

Екатеринбург

Русская и зарубежная литература в творческом сознании Елизаветы Гадмер

В начале XX в. драматургия была той творческой областью, которую в России женщина начала осваивать позднее других, хотя, как отмечает М. В. Михайлова, «именно в Серебряном веке художественное сознание оказалось наиболее восприимчиво к идеям феминизма, и все более отчетливо начала звучать мысль, что двадцатый век, вероятно, будет назван в истории “женским веком”, веком пробуждения творческого самосознания женщины» [6, с. 7].

Предметом нашего внимания стало драматургическое наследие уральского поэта и писателя Елизаветы Саввишны Гадмер (1863 — после 1933). Художественный мир писательницы вторичен, он ориентирован на традиционные историко-литературные и культурные модели. Однако, как нам думается, вторичность художественной системы Е. Гадмер не отменяет ее самостоятельной культурной значимости. Ведь именно на материале «провинциальной», «вторичной» литературы можно выявить специфику освоения массовым сознанием проблем, актуальных для «большой» культуры и «высокой» литературы. Как писал Д. В. Жердев, размышляя о специфике драматургии Урала конца XIX — начала XX в., «наблюдается эффект отставания в формальных поисках и в проблематике в сопоставлении с литературой “центра”. Но, с другой стороны, отставание делает возможным своеобразный синтез идей, что создает некоторую эклектичность, но представляет возможность оригинальных решений, напрямую выражает именно комплекс представлений, характерный для провинциальной интеллигенции, тот культурный фон, на котором создавалась — пусть даже через отталкивание — большая литература» [3, с. 50]. Творчество писательницы во многом является продуктом ее читательской рецепции.

Первая из дошедших до нас пьес Е. Гадмер — драма в пяти действиях «Сусанна» (1893). Другой вариант пьесы — «Искушение» (1896). Эта драма иллюстрирует отличительную черту творчества Е. Гадмер — разработку социально значимых тем и мотивов: это темы женского бесправия, жизни городской бедноты, детской нищеты, изнурительного труда и т. п. В пьесе две подруги, молодые женщины, мечтают о социальном служении: одна хочет пойти на фельдшерские курсы, другая стремится работать в школе. Главная героиня Сусанна (в другом варианте — Ева) не находит поддержки у мужа: она просит его уехать в деревню, где она могла бы учительствовать и лечить крестьян, а он — заниматься сельским хозяйством, но получает отказ. Сусанна не находит счастья в семье, пытается искать его вне семьи — связывает жизнь с легкомысленным и низким человеком, оставляет мужа и дочь, учится-таки на фельдшерских курсах, возвращается к мужу и дочери в тот момент, когда покинутый ею муж и подруга, на попечение которой она оставила его и дочь, признаются друг другу в любви и строят планы на будущее. Сусанна решает, что не может разрушить их счастье и отправляется в уезд, где был голод, где свирепствует болезнь, где высокая смертность, чтобы служить людям и этим искупить свою вину.

Уезжая, героиня так объясняет свою позицию:

Сам Иисус Христос сказал: «Больше себя любви никтоже иметь, да кто душу свою положит за други своя!..». Я и хочу положить свою душу... Я буду беречь свои силы вначале, чтобы как можно больше спасти человеческих жизней... Я бы хотела быть одной из последних жертв эпидемии. Я вступала в жизнь с верой в людей, с готовностью любить их, с желанием быть любимой ими! И очутилась одна в целом мире!.. Ни одной близкой души около меня! Когда я гуляла сегодня, слышу, вдали идет поезд... Белый дымок всплыл над лесом, и показался локомотив... Сердце во мне так забилося, что я с трудом могла дышать... Мне так хотелось броситься под колеса, чтобы они раздавили меня и разом покончили все... Но это малодушие было минутное... Я еще не совсем эгоистка! Могу еще думать о других... Зрелище моей смерти не должно бросить тени на их будущее. Я не хочу умереть смертью труса!.. Хочу умереть в честном бою с опасностью! Хоть раз в жизни сделать истинно доброе дело!.. «Поправлю все, все смертью искуплю!» (Оборачивается к дому). Вы будете свободны!.. Но я освобожу вас без кровопролития, без потрясающих сцен! Вы будете уважать меня!.. Научите же Лелю почитать мою память! [2, с. 56]¹.

Очевиден текст-прецедент финального монолога героини — это роман Л. Н. Толстого «Анна Каренина», причем финал пьесы Е. Гадмер внутренне полемичен по отношению к финалу толстовского романа. Как мы видим, принимая решение, Сусанна руководствуется евангельской заповедью жертвенной любви к ближнему. Желание толстовской героини отомстить мужу и наказать его, избавиться от всех и от самой себя расценивается как эгоистичное

---

¹ Все упоминаемые и цитируемые пьесы находятся в отделе рукописей и редких книг Санкт-Петербургской государственной Театральной библиотеки. В тексте статьи пьесы цитируются в хронологическом порядке с указанием страницы.

и малодушное — и потому отвергается героиней Е. Гадмер. Она стремится принести как можно больше пользы нуждающимся в ее помощи и освободить дорогих ей людей от своего присутствия, не омрачив их счастья.

В драме «Былинка» (1904) создается образ писательницы как таковой, «писательницы вообще». Пьеса посвящена теме творчества, призвания поэта — очевиден автопсихологический подтекст. Е. Гадмер здесь стремится привлечь внимание к «трагическому положению регионального писателя-труженика, литературного поденщика без имени» [4, с. 338]. При этом она выбирает условно-фантастическую манеру письма. Главную героиню зовут Нина Грузинская — она носит имя святой равноапостольной Нины, просветительницы Грузии. Одно из действующих лиц пьесы, Елизавета Кульман, — призрак-галлюцинация. Вымышленная даровитая писательница, рано умершая, появляясь в конце пьесы, уводит с собой Нину — та умирает. В пьесу включены сны героини, в которых ей являются редактор, помощник редактора, писатель, студент, рабочий, рудокоп, толпа рабочих, женщин и детей. Также во сне Нине является Некрасов. Они беседуют о призвании поэта, о служении литератора людям, о его посмертном признании. Этот фрагмент драмы написан стихами:

Кто, служа великим целям века,
Жизнь свою всецело отдает
На борьбу за брата человека,
Только тот себя переживает.

(снова играет нежная музыка и хор поет):

Будь тверда, не знай сомнения,
Крест неси свой до конца!
Нет прекрасней назначения,
Лучезарней нет венца.

(Нина поднимает голову и сквозь слезы вдохновенно смотрит вверх, скрестив руки. Некрасов, как бы благословляя ее, простер руку) [2, с. 73].

Общеизвестно, что именно Н. А. Некрасов провозгласил и последовательно воплотил в творчестве мысль о том, что поэзия должна служить народу. Кроме того, по замечанию В. С. Баевского, «он стал выразителем мыслей, чувств, надежд, устремлений демократической интеллигенции, ее бытописателем и летописцем» [1, с. 175], именно поэтому Некрасов появляется в пьесе на персонажном уровне и поддерживает юную писательницу в ее понимании поэтического творчества как социального служения и исполнения общественного предназначения.

Отметим еще один значимый мотив, который одновременно вводит евангельскую тему и актуализирует пушкинский интертекст. Ученик Нины Вася приносит умирающей Нине птичку — после долгих уговоров мальчик соглашается отпустить птичку на свободу. «Птицы небесные, — отмечает О. В. Зырянов, — выступают у Е. Гадмер воплощением человеческой мечты о свободе и счастье.

Таким образом, происходит подключение к традиционной романтической схеме, выход к исконно романтическому конфликту земного и небесного, природного и социального, свободы и неволи» [4, с. 332]. Кроме того, издавна на Руси существовала традиция в праздник Благовещения Пресвятой Богородицы отпускать на волю птиц. Этот обычай символизирует стремление человеческой души освободиться от пут греха и соединиться с небом — вспомним пушкинское стихотворение «Птичка». В пьесе Е. Гадмер очевиден аллегорический смысл — главная героиня освобождается от земного страдания.

Нетрудно заметить, что Е. Гадмер стремилась насытить действие символическими и фантастическими элементами, уйти от «бытовизма», заявить о праве женщины на мечту, надежду, на социальное и культурное осуществление.

Последняя из дошедших до нас пьес Е. Гадмер — «Ундиная», авторская жанровая номинация — фантазия в шести действиях, 1909 г.

В пьесе на первый план выступает проблема преображения души, проходящей через испытания, ее просветление, обретение ею внутренней цельности. Проблематика пьесы традиционна: это и вопросы различения/неразличения добра и зла, сраченность/противоположность жизни и смерти, близость/разъединение благого и демонического начал в человеческой природе. Главным «признаком» человека, по Е. Гадмер, становится способность к любви, причем в ее духовно-телесном синкретизме. Автор стремится создать чистый образ души-Психеи, отпавшей от Бога, но страстно стремящейся его обрести. Она находит и воплощает себя в жертвенном служении людям.

Создав в пьесе «Ундиная» свое «русальное действо», восходящее корнями к славянской мифологии, к ее литературной модификации в творчестве Гоголя, оттолкнувшись от канвы андерсеновской «Русалочки» и «Ундины» де ля Мотт Фуке, «Ундины» Жуковского, Е. Гадмер, в сущности, способствовала дальнейшей разработке русалочьей темы в искусстве XX в., зазвучавшей впоследствии мощно у Алексея Ремизова, Леси Украинки в «Лесной песне», в «Старых богатах» армянского драматурга Л. Шанта.

В обозначенном контексте трудно проигнорировать еще одно «русальное действо» — пьесу З. Н. Гиппиус «Святая кровь», опубликованную в «Северных цветах» за 1901 г. В своей драме Гиппиус актуализирует другой контекст — она, собственно, разрабатывает коллизию «Преступления и наказания» Достоевского, потому что желание русалочки Аннушки обрести человеческую бессмертную душу сопряжено с пролитием крови. В пьесе З. Гиппиус любовь обретает самые страшные формы и смыслы: любовь-насилие, любовь-убийство. Русалочка, «богоданная дочка», убивает отца Пафнутия, которого она искренне любит, убивает, как она думает, «во имя» и «по воле» Всевышнего, а на самом деле по наущению ведьмы. Она руководствуется благими намерениями — она готова принять «вечные муки» ради спасения от вечных мук дорогого ей человека, но на деле все выходит иначе. На «Преступление и наказание» как текст-прецедент указывала и современная З. Гиппиус критика [6, с. 9]. Пьеса Е. Гадмер не дает нам оснований утверждать, что уральская писательница была знакома с пьесой

своей известной современницы, однако общность одного из мотивов и его полемическое переосмысление обнаруживают влияние пьесы и в целом творчества З. Гиппиус на пьесу Е. Гадмер. Известно, что сознанием З. Гиппиус владела идея духовного брака как прообраза истинных человеческих отношений. В пьесе Е. Гадмер эта установка принадлежит Ундине, эта мысль внушена ей ее дядей Струем из корыстных соображений, он влюблен в свою прекрасную племянницу и надеется, что Гульбранд оставит свою супругу, избегающую телесной стороны супружеской любви. Это ложное, по мысли автора, предубеждение приводит союз Ундины и Гульбранда к краху, и оно же мешает Ундине обрести душу. Душу Ундина обретает, когда, будучи отвержена Гульбрандом, решает вместе со своим дядей Струем посвятить себя служению людям.

Инвариантный сюжет всего творчества Е. Гадмер, в том числе его драматургической составляющей, — это, по словам О. В. Зырянова, «романтическое стремление лирического героя в область мечты и идеала, пусть сиюминутное обретение счастья и неминуемые разочарования, измена, обман» [4, с. 327], преодолеваемые жертвенной любовью и служением людям, понимаемым как действенная помощь ближнему.

Эта мировоззренческая установка в полной мере проявилась в жизни писательницы: роль Е. С. Гадмер в культурной и социальной жизни региона рубежа веков трудно переоценить именно благодаря ее просветительской и благотворительной деятельности [см.: 4, с. 319].

Рассмотрение драматургического наследия Е. Гадмер позволяет увидеть в ее творчестве попытку синтеза реалистического и модернистского искусства. Е. Гадмер создала круг драматических произведений, не обладающих художественной масштабностью и ярко выраженной оригинальностью, но посвященных проблемам своей страны и эпохи, отвечающих интеллектуальным, эстетическим и нравственным запросам современников. Еще Ю. М. Лотман заметил, что «массовая литература устойчивее сохраняет формы прошлого и почти всегда представляет собой многослойную структуру» и поэтому в ней «самые различные идейно-художественные системы прошедших эпох функционируют как живые» [5, с. 823]. Так, в творчестве Е. Гадмер можно усмотреть и евангельские мотивы, и пушкинский интертекст, и некрасовскую линию — на уровне проблематики, традиции натуральной школы, толстовские аллюзии, неоромантические традиции, символистские тенденции. Творчество Е. Гадмер в значительной степени является продуктом и результатом ее читательской рецепции; творческие интерпретации классических текстов русской и зарубежной литературы уральской писательницей способствовали формированию определенного типа читательской культуры.

Литература

1. Баевский В. С. История русской поэзии: 1730–1980 гг. Компендиум. Смоленск, 1994.
2. Гадмер Е. Сусанна : драма в 5 действиях. СПб., 1893 [машинопись] ; Былинка : драма в 4 действиях. СПб., 1904 [машинопись] ; Ундина : фантазия в 6 действиях. СПб., 1909 [машинопись].

3. Жердев Д. В. Уральские драматурги конца XIX — начала XX века // Дергачевские чтения : тез. докл. и сообщ. науч. конф. Екатеринбург, 1992. С. 47–50.
4. Зырянов О. В. Елизавета Гадмер: опыт авторского книготворчества // Эволюция жанров в литературе Урала XVII–XX веков в контексте общероссийских процессов / О. В. Зырянов, Т. А. Снегирева, Е. К. Созина и др. Екатеринбург, 2010. С. 318–341.
5. Лотман Ю. М. Массовая литература как историко-культурная проблема // Лотман Ю. М. О русской литературе. СПб., 2005. С. 817–827.
6. Михайлова М. В. «Бабы с пьесами...» в эпоху modern // Женская драматургия Серебряного века / сост., вступ. ст. и коммент. М. В. Михайловой. СПб., 2009. С. 5–60.

И. В. Фазиулина

Ижевск

Писатель в провинции: формирование художественного мышления С. Н. Миловского (Елеонского)

Имя Сергея Николаевича Миловского (1861–1911), сарапульского писателя-беллетриста, печатавшегося в центральных журналах¹, автора двух сборников рассказов², неизвестно не только «большой» литературе, но и сугубо провинциальной. Спустя некоторое время после его кончины один из критиков заметил: «Мало кто из сарапульцев вспомнит, что сегодня 11 августа, ровно два года назад, Сарапул был поражен трагической смертью талантливого писателя С. Н. Миловского (Елеонского)» [2]. Причины столь быстрого забвения литератора кроются в целом ряде факторов, определивших трагическую составляющую судьбы как самого писателя, так и его творческого наследия.

1895 г. в жизни С. Н. Миловского — кандидата богословия — ознаменовался двумя событиями: переездом в г. Сарапул Вятской губернии в должности смотрителя духовного училища и писательским дебютом под псевдонимом Елеонский³ в «Русском богатстве» В. Г. Короленко. Именно с этого момента начи-

---

¹ С 1895 по 1911 г. С. Н. Миловский печатался под псевдонимами *Е. Елеонский* и *Н. Шиханов* в журналах «Русское богатство», «Образование», «Журнал для всех», «Современный мир», «Вестник Европы», «Правда», в приложении к «Ниве».

² В первый сборник (1904 г., товарищество «Знание») вошли девять рассказов из жизни провинции: «Неизреченный свет», «На поповом дворе», «Папаша крестный», «Грубиян», «Зарок», «Огорчение», «Юбилей», «Ссора», «Качук»; во второй (1911 г., товарищество «Общественная польза») — пять («Вожделенное преуспеяние», «Реклама», «Чужая рубашка», «Японский формуляр», «Под опекой»). Оба сборника напечатаны под псевдонимом Елеонский.

³ Псевдоним Елеонский — «сошедший с горы Елеон» — придумал Короленко, шуточно обыграв основную тему произведений Миловского, описание неприглядного быта провинциального духовенства.